

МОЛОДЁЖНАЯ КОНТРКУЛЬТУРА – ВЧЕРА, СЕГОДНЯ...

Некогда археологи расшифровали текст на одном из древнеегипетских папирусов 4-тысячелетней давности. Забавно, но оказалось, что это было брюзжание одного из облечённых властью чиновников по поводу тогдашней молодёжи. Никуда она, по мнению автора текста, не годилась. И старших не почитает, и самонимения полна, и нравы имеет мерзкие... Словом, гибнет Египет! Не отставали по части шельмования молодёжи и последующие авторы – из Древней Греции, Рима, Персии, Индии, Китая. В средневековой Европе и Руси также не жалели нелестных эпитетов в адрес подростков и юношества. Претензии всё те же. В наши дни гневных выпадов старших против «тинейджеров» тоже хоть отбавляй. И автор этих строк на заре туманной юности их вдоволь наслышался. С другой стороны, и это опять правда, молодёжь платит той же монетой «черепам» и прочим представителям поколений отцов и дедов. Ну, ни шиша не пенят эти хрычи и хрычовки в элементарных вещах! И «вааще» они отстали, наших запросов не просто не понимают - не желают понимать. И чем ближе к нашему времени, тем острее взаимоотношения «отцов и детей».

Вечность конфликта?

Первое письменное упоминание об отдельной, молодёжной субкультуре относится к средневековью. В патриархальной среде Европы вдруг проклюнулся росток нового общественного явления – намеренного эпатажного противопоставления своего круга обществу – его вкусам, морали, образу жизни. Речь идёт о вагантах – студенческом содружестве, скептически относившемся к засилью церковного – по большей части ханжеского и лицемерного – порядка, определявшего жизнь в странах Западной Европы, где исповедовалось католичество. На протяжении многих столетий религия поддерживала традиционную жёсткую возрастную иерархию: отец – хозяин жизни чад и прочих домочадцев. Заповедь «Чти отца своего и мать свою» толковалась строго именно в этом контексте. Но вот появилось поколение грамотных молодых людей (в поголовно неграмотной Европе, где порой и короли крестом подписывались), которые задумались: почитать просто так, за возраст? Это, с позиций только начавших самостоятельно жить, явно недостаточно. Мы, де, не обалдуи, кое-что тоже знаем, и нас поучать на каждом шагу нечего. Тем более тем, кто учат одному, а сами частенько поступают как раз по-другому.

По одной даже лирике вагантов можно сделать вывод, что пропаганде идей смирения и страстотерпия лихие буриши противопоставили беспутную, разгульную и даже в какой-то степени богохульную жизнь. В произведениях вагантов пародировались богослужебные тексты, высмеивались тогдашние церковный быт и религиозная практика и догматика, а куплеты нередко были полны эротических мотивов. Воздавалось должное и винопитию, и азартным играм. Одевались ваганты тоже не в духе принятого – весьма оригинально и вызывающе. Между прочим, слово «экстравагант» пошло именно с той поры. Набожные филистеры и чванливые служители Церкви в гнев скрежетали зубами, но с этой волюнтерщицей ничего поделать не смогли. Ретивая строгость университетских порядков просто разваливалась под напором молодого темперамента.

Создание молодёжной субкультуры возможно только в городской среде. На селе для этого условий нет. Поэтому с ускорением урбанизации – ростом числа и размеров городов – появляются условия для разделения культур: на официальную и фольклор, на элитарную и вульгарную, на городскую и сельскую, на благопристойную и эпатажную. Каждое сословие создавало свою субкультуру. Разумеется, существовал и возрастной водораздел. Сolidному мужу не подобало увлекаться тем, к чему имеет пристрастие молодёжь. А она всё продолжала быть объектом критики старших, бранивших «выюношей» за отсутствие благолепия и благочестия.

Мы уважать себя заставим!

Со временем коллективный досуг стал частью обыденности. Если женщины собирались в семье какой-либо сверстницы поручокодельничать и заодно посудачить, а мужчины – в корчме, дабы выпить «здоровья дядя» и тоже почесать языки, то молодым долгое время собраться вместе было практически нелегко. Поэтому за неимением лучшего подходили пустыри, руины и прочие места, к коим благообразные горожане предпочитали не приближаться. Их оккупировала маргинальная молодёжь – неудачливые подмастерья, изгнанные за неуспеваемость студенты, разорившиеся и не устроившиеся в городе молодые крестьяне, проигравшаяся кабацкая теребень. Так вырабатывалась полу- и полностью криминальная субкультура.

Но с развитием местного самоуправления стали появляться всевозможные клубы – по интересам, по месту жительства, по принадлежности к одному роду деятельности. Но опять-таки там собирався публика с уже устоявшимися социальным статусом. А для молодёжи по-прежнему места нигде не было, чтобы реализовать себя соответственно своему физическому и интеллектуальному состоянию. Для неё на посещение клубов был введён возрастной ценз.

С развитием общего и специального образования, вызванного потребностью в квалифицированных кадрах, молодые люди стали ощущать свою самоценность как личностей, носителей прав и свобод. Патриархальные нравы стали подвергаться эрозии. Особенно этот процесс ускорился с началом допуска женщин, прежде всего молодых, к образованию и общественной деятельности. Но консервативные силы были всё ещё сильны и препятствовали новым тенденциям. Достаточно вспомнить, как у нас, в России, относились к курсисткам и вообще к эмансипации женщин: общественность в целом смотрела на это очень косо.

Кроме роста просвещения очень повлияло на самосознание молодёжи развитие спорта и политических организаций, а также демократических институтов и особенно избирательного права. Тогда молодые люди поначалу не очень-то допускались. Если посмотреть на фотографии спортсменов начала прошлого века, то видишь усачей, разменявших четвёртый десяток. О молодёжных секциях в партиях долгое время вообще не заикались. Исключение составили только скауты, и то там существует мощный контроль руководства из старших над молодыми членами организации.

Всё очень круто изменили войны, шедшие одна за одной с начала XX века. Вчерашнему школьнику доверили винтовку, пулемёт, пушку и баллоны с отравляющими газами. Тот, кто много раз смотрел в лицо смерти, уже не боялся сказать слово в споре за свои права. Молодёжь активно пошла в политику, предпринимательство, творчество. Открывались невиданные доселе перспективы в связи с бурным развитием науки и техники. Темп жизни стал быстрее и адекватнее молодёжному темпераменту. Обычное возрастное нетерпение и стремление освободиться от гнёта признанных авторитетов, заявить о себе во весь голос стали причиной такого явления, как авангардизм во многих отраслях творчества – живописи, литературы, театра, архитектуры. Рамки академизма мешали развитию нового искусства. Реакция на это засилье носила порой характер вызова. В этом плане очень показателен пример появления такой молодёжной контркультуры, как движение футуристов, взявшее своим девизом выражение «пощёчина общественному вкусу». Пример оказался заразительным: от футуристов отпочковались «эгофутуристы», «ничевоки» и прочие группы, от творчества которых общественность приходила в полное изумление, растерянность и нервозность.

Трава, пробившая асфальт

С приходом к власти большевиков эти молодёжные группы, пытавшиеся создать новую культуру взамен прежней, по их мнению устаревшей, или эмигрировали, или влились в воинственные ряды последователей Пролеткульта – экстремистского течения, агрессивно настроенного против классики и новаторства времён «серебряного века», которые они относили к «буржуазной» и «упаднической» культуре.

Советская власть недолго поощряла новаторство. Очень быстро сложился советский академизм, а экспериментаторы в основном пополнили ряды заключённых концлагерей.

Вторая мировая война усилила темп индустриализации и урбанизации. В странах Запада со временем развились правозащитные движения. За молодыми людьми начались признаваться свои специфические права.

В СССР же молодёжь была насильственно загнана в массовые организации – пионерскую и комсомол. В культуре востовластвовал «социалистический реализм», а всякий «формализм» в искусстве выкорчёвывался безжалостно. В условиях полной информационной изоляции от внешнего мира развивалась альтернативная культура – частушки, анекдоты, лагерные песни. Но собственно молодёжной субкультуры не было вовсе.

Однако как только со смертью Сталина власть ослабила удавку на общество, так сразу появились молодые люди, которые стали открыто демонстрировать своё неприятие изоляционизма. Во время Великой Отечественной войны с Западом случился небольшой культурный контакт: появились фильмы, очень отличающиеся от советских и поэтому по-своему притягательные. Музыка, мода, манеры героев из этих фильмов стали объектом подражательства для большого числа парней и девчат. Им быстро прилепили ярлык «стиляг», и началась шумная и крикливая кампания по борьбе с «тлетворным влиянием Запада». Но «стиляги» держались стойко: носили не свойственную «трудящимся» одежду и причёски, играли джаз, танцевали буги-вуги и рок-н-ролл, высмеивали политическую демагогию и трескотню, заполнившие средства массовой информации. В своих самостоятельных песенках они дразнили власть воспеванием «нездорового образа жизни» – многочисленных любовных походов, посещения ресторанов, баров и почитания «чуждой советскому народу» западной культуры. Из этой среды вышло немало будущих авторов и исполнителей самостоятельных, или «бардовских» песен, капитанов и «звёзд» первых команд КВН, что, в сущности, тоже было проявлением стихийно возникающей молодёжной контркультуры.

Тусоваться – защищаться

Нечто подобное появилось после 50-го года прошлого века и на Западе. Там, в отличие от СССР и стран «социалистического лагеря», свобода творчества не зажималась. Но были свои социальные процессы, способствующие возникновению молодёжной контркультуры. В США ещё действовала расовая сегрегация и дискриминация. Отражением этого конфликта стало появление молодёжных группировок из негров и пуэрториканцев, где стала

формироваться так называемая андеграундная культура, частью которой является граффити (росписи панелей городских стен и ограждений) и брейк-данс. Как всегда после длительной войны возникло и «потерянное» поколение из молодых демобилизованных, недовольных тем, что когда они месили окопную и дорожную грязь на фронтах, кто-то хорошо нажился на крови чужих и своих, да ещё при этом учит морали. Протест против ханжества и лицемерия вылился в эпатажно-бунтарское поведение молодых, вчерашних солдат и их подруг. В историю они вошли под именем битников – как намеренно развязные, грубые, болтающиеся без дела и, как сейчас сказали бы, вечно тусующиеся в своём кругу за выпивкой, когда есть деньги, личности, изуверившиеся в Боге, власти, в устоявшейся морали. Стремление «делать деньги» для них оказалось дискредитированным. Война приучила ценить превыше всего общение со своими и другие простые радости в этой быстролётной жизни. Именно они намеренно стали повсеместно являться в джинсах – одежде ковбоев и портовых грузчиков.

Но вот экономика на Западе пережила длительную стадию подъёма. То одна, то другая страна являла пример «экономического чуда». Общество стало проходить испытание достатком, и появились проблемы, специфические для «общества потребления». Напряжение в погоне за сохранением престижа преуспевающего человека бесследно не проходит, накапливается усталость от ситуации вечной гонки. Стремление к очередному рубежу материального достатка стала многим восприниматься как «погоня за радугой», и начались поиски новых ориентиров. Одни их увидели в восточных философиях, в созерцании, в отрешённости от суеты и накопительства благ, даже в иллюзорных мирах под воздействием наркотиков. Так появились хиппи.

Другие сочли, что правильно – это вернуться к идеям жестокой классовой борьбы, поскольку источник богатства Запада – эксплуатация своих трудящихся и жителей бывших колоний и слаборазвитых стран. Стали множиться «новые левые» – последователи различных течений коммунистов – от Троцкого до Мао Цзедуня, анархисты. Некоторые из них, чтобы больше, как им казалось, приблизиться к пролетариату, переставали соблюдать правила личной гигиены. Появилась мода шеголять в дражных джинсах, которые, чтобы выглядели как можно более лихими, варили в разных растворах.

Другие представители молодёжи, причём по большей части неприкаянной, не нашедшей себя ни в бизнесе, ни в политике, ни в научной или служебной карьере, стали «кучковаться», вырабатывая свою тактику душевной самозащиты в виде вызывающего внешнего вида путём раскрашивания лиц и сооружения причёсок самого замысловатого вида. За образец чаще всего бралась раскраска, бытующая среди индейцев. Волосы часто тоже имитировали гребень из перьев, какой носили индейцы. Упиваясь своим самоотвержением от широкой общественности, они стали себя называть «панки», то есть гнилушки, радуясь болезненной реакции обывателей.

Были и другие молодёжные группировки – «модерны», «рокеры», известные взаимным соперничеством, страстью к мотоллолларам и мотоциклам, особыми облачениями.

В СССР известия о молодёжных объединениях доходили с большими искажениями. Официальная печать старалась представить их как образец «всё большего загнания капитализма». Но всё равно у нас появились и хиппи, и панки, и байкеры, и брейкеры, и металлисты. Скукота и заорганизованность в комсомоле 80-х годов вызывали тягу приобщиться к альтернативному образу жизни. Официальная пресса решительно осуждала молодых за подражания «чуждой идеологии». И многие подростки нашли другой выход – идти в «фанаты». Можно было даже прочитать на стенах крик души – «хочу фанатеть!». Советская власть встала в тупик: с одной стороны это бегство от комсомольской солидарности, а с другой – «фанатеют» ведь за наши спортклубы и звёзды эстрады! Поэтому с «фанатами» она борьбу не развернула, ограничившись маловразумительным общим осуждением.

Вместо послесловия

Пока не налажен нормальный и равноправный диалог между поколениями, молодёжная контркультура обречена на возникновение во всё новых формах. Добро ещё, если они ограничатся созданием замкнутых, но не агрессивных корпораций без тоталитарного режима внутри. Неуверенность в завтрашнем дне, закомплексованность и незащищённость молодых людей, буквально брошенных властью, толкает их в скинхеды, в отряды молодых черносотенцев, нацболов и другие правые и левые экстремистские объединения.

Как нам удалось представить, проблема самореализации молодёжного потенциала с пользой не только для самих молодых людей, но и общества в целом, тянется со времени она, чуть ли первого фараона. И, что удручает, эта наболевшая с тех пор проблема, похоже, не широко занимает власти, включая нашу городскую. Во всяком случае, внятной концепции и эффективной молодёжной политики до сих пор не выдать.

Но это одна сторона вопроса. Другая – наличие психологических барьеров между молодёжью и старшими поколениями, отсутствие оживлённого диалога, ведущего к взаимопониманию и обоюдному доверию. Если читатели не против, мы обратимся к этой теме.

В.Венёвский

НУЖНЫ ЛИ ДЕТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ?

19 мая исполнилось 85 лет созданию массовой детско-юношеской организации в нашей стране – пионеров. Много было интересного, занимательного в этой организации. Главный положительный отличительный признак – содействие физическому и интеллектуальному развитию детей, проявлению солидарности и участливости, творческой самореализации через многочисленные кружки и секции. Главные отрицательные признаки – излишняя политизированность детской организации, нахождение её под партийным «колпаком», частая заорганизованность и «показуха» мероприятий. Тем не менее, опыт этой организации заслуживает внимания.

Но вот с исчезновением партийного стержня пионерии исчезла и сама организация. Наблюдаются попытки её реанимации силами руководства КПРФ. Однако массовым детским движением новая пионерская (коммунистическая) организация не стала. И вряд ли уже будет: в ту же воду второй раз не войдёшь. Есть эксперименты в других партиях – достаточно вспомнить «медвежат» Буратаевой и «соколят»

Жириновского. Эксперименты есть, успехов в виде массовых организаций нет.

А надо ли вообще делать детские партийные клоны? Может, лучше обратиться к общечеловеческим ценностям, увлечь ими ребятню?

Наш город тоже прилагал усилия в этом направлении. Дом пионеров примерно полтора десятка лет назад преобразовался в Центр детского досуга (ЦДД). На самом деле не об одном досуге там пекутся. О развитии, образовании тоже. Но на смену политизированности пришла коммерциализация. Из Сциллы попали в Харибду. Платность – это отсеечение малоимущих, хотя и среди них попадаются талантливые и способные дети. Не слышно про образование какого-нибудь Фонда будущих поколений горожан на эти нужды.

Одно время при ЦДД действовала скаутская ячейка, первичная организация экологического движения «КЕДР», но что-то там дело заглохло. Предпринимались и другие действия по созданию детских организаций по интересам. Этим

пробовали заниматься А.Губаревич в школе №2, Ю.Пономаренко в школе №3. Выходила даже стенгазета юных спасателей «Саламандра». Сколь-нибудь действенной поддержки от властей эти поиски не получили, а жаль.

Что и говорить – досадно. Если власть не ставит приоритетом заботу о будущем – детях, то это будущее оборачивается непредсказуемой и далеко не всегда приятной физиономией. Поэтому нельзя снимать с повестки дня создание в Красноармейске детских объединений – хороших и разных. Не думаю, что я здесь оригинален. Но если есть препятствия по части нехватки средств и полноценных кадров – грамотных энтузиастов, то их надо совместно преодолевать. А под лежащий камень вода не течёт.

В.Ферапонтов

